

Андрей БЕЛЫЙ

Дом-музей М. А. Волошина

Посетив дом, где много лет жил, трудился, мыслил, творил М. А. Волошин, я был переполнен яркими, прекрасными, грустными и, сквозь грусть, радостными впечатлениями. Грустными, потому что ушла от нас исполненная значения жизнь очень крупного человека. Радостными, что след той жизни внушительно отпечатлелся во всех мелочах созданного им быта. Не дом, а — музей; и музей — единственный. <...>

«Поэзия есть зрелая природа», — сказал Гёте. Она — культура природы, выявляющая в последней новое качество. Это качество в природе, в людях природы, в быте, отложенном ими, пребывает как бы в зародышевом состоянии. Зародыш не выявит нам аполлоновой красоты профиля взрослого человека. В поэзии Волошина, в его изумительной кисти, рождающей идею им открытого Коктебеля, во всем быте жизни начиная с очерка дома, с расположения комнат, веранд, лестниц до пейзажей художника, его картин, коллекций камушков, окаменелостей и своеобразного подбора книг его библиотеки встает нам творчески пережитый и потому впервые к жизни культуры рожденный Коктебель. Сорок лет творческой жизни и дум в Коктебеле, дум о Коктебеле и есть культура раскрытого Коктебеля, приобщенная к вершинам западноевропейской культуры. Сам Волошин, как поэт, художник кисти, мудрец, вынудивший стиль своей жизни из легких очерков коктебельских гор, плеска моря и цветистых узоров коктебельских камешков, стоит мне в воспоминании как воплощение идеи Коктебеля. И сама могила его, влетевшая на вершину горы, есть как бы расширение в космос себя преображающей личности.

Есть невыразимо прекрасные ракушки, которые воспел знаменитый Геккель¹ как неповторимые перлы искусства. А между тем линии их суть отложения органической природной жизни. Дом Волошина, начиная с внешних форм до музейных остатков быта этой творческой

жизни, восхищает меня как одна из ракушек, которыми мы любимся, как произведением Праксителя. Неповторимое в нем — в сочетании обычно несочетаемых элементов. Хороша библиотека, прекрасны картины Волошина, его альбомы, записные книжки, интересны следы жизни, оставленные посещением Волошина десятками крупнейших художников, поэтов, писателей, ученых, иные из которых вынашивали здесь открытия мирового значения (как, например, С. В. Лебедев², живший подолгу здесь и здесь вынашивавший идею искусственного каучука, может быть, во время собирания камушков на коктебельском пляже); следы жизней, пересекавшихся здесь, горячие дебаты на тему о культуре и о культуре Коктебеля, должны бы превратиться в музей воспоминаний.

Но, как бы ни интересны были отдельные следы жизни, возглавляемой здесь Волошиным, они ничто в сравнении с целым их. Жизнь Волошина отпечатлеваема не в своеобразии сочетания книг библиотеки, не в единственности, например, собрания сочинений французских символистов и не в замечательной коллекции акварелей поэта, а в том, что эти акварели и эти книги даны в комплекте следов яркого быта, здесь сложенного. Библиотека эта, вывезенная отсюда, или собрание акварелей в другом месте разрушили бы целое; так нельзя выломать отдельные завитки из ракушки, которой так восхищался гениальный художник Геккель: ее очарование — целое.

Дом Волошина и есть это целое: целое единственной жизни; поэт Волошин, Волошин-художник, Волошин-парижанин, Волошин — коктебельский мудрец, отшельник и краевед — даны в Волошине, творце быта. Волошин — краевед — дан в Волошине-человеке.

И дом Волошина — гипсовый слепок с его живого, прекрасного человеческого лица, вечная живая память о нем; ее не заменят монументы.

С М. А. Волошиным встретился я весной 1903 в интимном кружке, сгруппированном около Брюсова; и с тех пор на протяжении почти тридцати лет мы с ним многократно встречались в самом разнообразном сочетании людей, то как единомышленники, то оказываясь в разных группах; как-то: я — в «Весах», враждовавших с «Орами»³; он — в «Орах» и т. д.

Он казался мне в эти годы весьма европейцем, весьма французом. Моя же культурная ориентация меня более связывала с философской, музыкальной и поэтической культурой Германии начала прошлого века. Но во всех согласиях и несогласиях меня пленяла в покойном широта интересов, пытливость ума, многосторонняя начитанность, умение выслушать собеседника и удивительно мягкий подход к человеку. М. А. появлялся в Москве, быстро входя в ее злобы дня и выступая главным образом в роли миротворца, сглаживая противоречия между противниками,

часто не видящими из-за деревьев леса; и потом бесследно исчезал или в Европу, где он собирал, так сказать, мед с художественной культуры Запада, или в свой родной Коктебель, где он в уединении претворял все виденное и слышанное им в то новое качество, которое впоследствии и создало дом Волошина как один из культурнейших центров не только России, но и Европы.

Впервые открылся он мне в Швейцарии, где мы провели с ним несколько месяцев в эпоху начала войны. Здесь, объединенные одинаковыми интересами к слагаемым новым формам искусства, мы много беседовали о живописи. Он стал передо мной и как оригинальный художник, давший мне несколько уроков по растиранию красок, и как человек, глубоко чуждый милитаристическому безумию, охватившему старый мир.

Но я увидел его в диапазоне всех даров лишь в Коктебеле, в 24-м году, где я прожил у него три с половиной месяца⁴. Здесь поэт, блестящий публицист и оригинальный художник, увидевший древнюю Киммерию глазами им глубоко изученных художников-японцев, встал передо мной и как умудренный опытом краевед, знающий, как никто, историю, метеорологию и природные особенности края, и как хозяин единственного в своем роде сочетания людей, умевший соединять самые противоречивые устремления, соединяя людские души так, как художник-мозаичист складывает из камушков неповторимую картину целого.

Вся обстановка коктебельской жизни в доме, художественно созданном Волошиным, и в быте, им проведенном в жизнь, вторично выявила мне М. А. Волошина в новом свете, и я обязан ему хотя бы тем, что, его глазами увидевши Коктебель, *его* Коктебель, я душой прилепился к этому месту. Он учил меня камушкам, он посвящал меня в метеорологические особенности этого уголка Крыма, я видел его дающим советы ученым-биологам, его посещавшим; мне рассказывали, как он впервые предугадал особенности, вытекающие из столкновения и направления дующих здесь ветров; он художественно вылеплял в сознании многих суть лавовых процессов, здесь протекавших, он имел интересные прогнозы о том, как должны вестись здесь раскопки, и определял места исчезнувших древних памятников культуры; он нас лично водил по окрестностям; и эти прогулки бывали интересными лекциями не только для художников и поэтов, но и для ученых. Задолго до революции он ввел в своем уголке любовь к физкультуре. Сколько деятелей культуры, пройдя сквозь дом Волошина, впервые увидели и полюбили Коктебель, потому что дом Волошина по существу был домом отдыха московским и ленинградским писателям задолго до домов отдыха.

Кто у него подолгу не жил! А. Толстой, Эренбург, Мандельштам, Корней Чуковский, Замятин, Федорченко⁵, поэтесса Цветаева и т. д.,

всех не стоит перечислять. Из любой пятерки московских и ленинградских художников слова — один непременно связан с Коктебелем через дом Волошина. Они-то и создали особую славу Коктебелю. И не случайно, что и московские писатели, и ленинградские имеют здесь свои дома отдыха в Коктебеле.

<...> Игры, искристые импровизации Шервинского, литературные вечера, литературные беседы то в мастерской Волошина, то на высокой башне под звездами, поездки в окрестности, поездки на море и т. д. — все это, инспирируемое хозяином, оставляло яркий, незабываемый след. Деятели культуры являлись сюда москвичами, ленинградцами, харьковцами, а уезжали патриотами Коктебеля. Сколько новых связей завязывалось здесь. В центре этого орнамента из людей и их интересов видится мне приветливая фигура Орфея — М. А. Волошина, способного одушевить и камни, его уже седеющая пышная шевелюра, стянутая цветной повязкой, с посохом в руке, в своеобразном одеянии, являющем смесь Греции со славянством. Он был вдохновителем мудрого отдыха, обогащающего и творчество, и познание. Здесь поэт Волошин, художник Волошин являлся людям и как краевед, и как жизненный мудрец.

Прекрасно здесь догорала жизнь, увенчанная многообразным опытом. Недаром останки его приподняты над Коктебелем, так именно, как Коктебель из мало кому ведомой деревушки превратился в полное будущего место отдыха для сотен и сотен людей.

И, как знак благодарности Волошину, дом его, ставший домом поэта, должен неприкосновенно сохранять память о нем. Музей Волошина есть лучший памятник, поставленный делу его жизни.

